

Все совпадения в романе случайны. События и персонажи являются вымыслом автора

Римка Некрасова жила в *бараке*. А Дуся — в однокомнатной *квартире* нового трехэтажного дома, построенного для итээров завода без имени, зато за номером, который уже стерся из памяти, равно как и сам завод, закрытый из-за отсутствия производственной необходимости в девяностые годы.

Когда-то это был совершенно особый дом, уважительно называемый заводскими аборигенами «итээровской сталинкой». Отсюда, с улицы Ленинградской, взяла начало обреченная на медленное вымирание будущая интеллигенция Нижней Террасы — самого захудалого краснопролетарского района провинциального города Ульска.

В «доме образцового порядка», как сообщала прикрученная к дверям первого подъезда табличка, жили итээры завода и их семьи. Дуся к итээрам никакого отношения не имела. Можно сказать, квартиру в знаменитой «сталинке» она занимала по недоразумению.

Просто накануне очередной годовщины Победы в Ульск приехал Брежнев и выступил перед рабочими знаменитого на всю страну оборонного предприятия. Дуся как передовик вредного производства была делегирована на встречу с главой

Татьяна Булатова

государства и стояла в цеху, зажатая со всех сторон лучшими из лучших представителей рабочего племени.

— Кто это? — поинтересовался Брежнев, обратив внимание на гренадерский рост женщины.

— Шас узнаем! — пообещало руководство завода и, опережая события, под руки вывело на сцену ни о чем не подозревавшую Дусю.

— Хороша! — отметил генеральный секретарь и от переизбытка чувств неожиданно обнял работницу.

Администрация завода сочла это знаком и решила разбавить отряд итээров представителем иного сословия. Так Дусе выделили квартиру. И по заводу поползли слухи... В чем только ее не подозревали! Даже в порочащих связях с начальником отдела кадров. Между прочим, совершенно напрасно: Дуся была девицей.

Биография Римки Некрасовой была незатейлива и банальна: третий ребенок, единственная девочка в семье заводских пролетариев четвертого поколения с момента отмены крепостного права.

У Дуси не было ни сестер, ни братьев. Происходила она из ульских мещан.

Римкин батя гордился своей фамилией и, бывало, в кругу товарищей заявлял:

— Из Некрасовых мы...

— Из каких это из Некрасовых? — интересовались собутыльники.

— Из тех... — многозначительно отвечал пролетарий и цитировал:

Бери и помни

Гляжу...
забирается медленно в гору
Лошадка... а с нею — пацан и возок...

Отец Дуси, скромный бухгалтер райфо, на вопрос анкеты «Каким иностранным языком владеете?» отвечал «Не владею», а еще чаще ставил жирный прочерк напротив пунктов, характеризующих гражданскую состоятельность анкетиремого: «не владею», «не имею», «не претендую», «не был», «не являлся», «нет», «нет», «нет».

Погиб Степан Игнатьевич Некрасов под колесами поезда, неожиданно налетевшего на него в самое неурочное время: по пути из бани домой. Завидев надвигающийся паровоз, пролетарий Некрасов обиделся и решил встретить врага лицом, чтоб неповадно было. В результате машиниста осудили (срок точно неизвестен), а обезображенное тело работяги Некрасова доставили в морг. Похороны сыграли по-семейному, то есть всем баракком. Последний блин с медом достался участковому, а четверо детей — вдове покойника, плохо соображавшей по причине хронического опьянения.

Дусин папа ушел из жизни незаметно. Тихо. Не отходя от рабочего места, повалившись на бок с таблеткой нитроглицерина под языком. Сердобольные сотрудницы вызвали «Скорую» и позвонили дочери сослуживца, предварительно кинув жребий. Сообщить скорбную весть выпало самой молодой сотруднице финансового отдела Зиночке. От перенапряжения она заплакала, пошла красными пятнами и прорыдала в трубку:

— Зна-а-а-ете-е-е... Это я-а-а-а.

Татьяна Булатова

На ответное недоумение уточнила:

— Зи-и-иночка.

— Кого надо? — проорала трубка сварливым старушечьим голосом.

— А Ваховские здесь живу-у-ут? — рыдая, заинтересовалась сотрудница.

— Дуньки нету дома, — отрезала трубка. — А сам-от на работе...

Последняя фраза «А сам-от на работе» в сознании Зиночки остановила вращение земного шара, и мир полетел в тартарары окончательно и бесповоротно.

— Дай-ка мне, — раздраженно скомандовала самая старшая сотрудница финансового отдела Клавдия Михайловна и взяла инициативу в свои руки:

— С прискорбием сообщаю...

На том конце провода появился искренний интерес к собеседнику:

— Ба-а-а-а! Чо ли, помер сам-от?

— Помер... — сменила интонацию Клавдия Михайловна, отказавшись от протокола. — Сердце...

— Ба-а-а-а! — снова изумилась трубка и пообещала передать информацию дочери: — Чай скажу, чо мы, не люди, чо ли...

Схоронили-помянули-забыли.

И только Дуся на каждую родительскую лезла на Майскую гору, прибирала и без того ухоженную могилку и буднично сообщала:

— Вот и я, пап. Замуж не вышла.

Бери и помни

Через год число посещений кладбищенского приюта сократилось до разумного, но приветствие осталось почти таким же:

— Какой уж там замуж! Нет, папа.

Еще через год молча крошила пасхальное яичко и втыкала восковую ромашку рядом с голубой пирамидкой.

Когда Дусе исполнилось сорок три, позвали за муж. Имя и фамилия жениха стерлись из памяти быстрее, чем высохла земля после летнего ливня. Товарки по цеху кандидата в мужья подняли на смех из-за маленького роста: «В одном гробу можно хоронить. Как раз у тебя в ногах поместится!»

Дома Дуся с огромной печалью рассматривала в большом зеркале свои ноги. Не ноги, а высоковольтные столбы. Размер обуви — сорок два. Ни одни приличные туфли не достать. Что ж, на свадьбу в ботинках топать? И потом, смущала профессия жениха: дамский портной. «Это что же значит, — размышляла про себя Дуся. — Каждый день голых женщин обмеряет?» — «Да почему это голых-то?» — робко, шепотом подсказывал здравый смысл. «А каких же?!» — с уверенностью отмахивалась от него Дуся и ложилась в свою одинокую никелированную кровать с панцирной сеткой. Кровать привычно принимала большое хозяйское тело, приветствуя его жалобным скрипом.

У Римки, к слову, кровати отродясь не было. Спали вповалку на сбитом покойным Некрасовым настиле, друг на друге: взрослые — с краю, мелкотня — в серединке. Римка ненавидела этот коллективный сон, ненавидела сестер и братьев вместе

Татьяна Булатова

с вечно поддатой матерью и приходившими к ней гостями. «А чо я?» — мычала глава осиротевшего семейства и натягивала на опухшую рожу засаленное одеяло. «Прав ее лишить!» — бунтовала трезвая половина барака и строчила жалобы участковому. До них ли было блюстителю порядка? На то он и барак, чтоб за чужими детьми присматривать. «В этом — сила коллектива!» — цитировал участковый неизвестно где подсмотренный или услышанный лозунг и щегольским жестом натягивал фуражку прямо на нос.

Дуся жениху отказала: какой от него прок? Квартира своя, жизнь налажена. Только людей смешить. А родить? А чего родить-то? Поздно уже. Сорок четвертый пошел. Ребенка в школе задразнят: «Бабушка за тобой пришла!»

То ли дело Римка! Худая, мосластая, волосы гидроперитом выбелены, губы на пол-лица... По коридору в бараке идет, вихляясь. Халат распахивается, а под ним — ноги. Не ноги — мечта! Мускулистые, гладкие, кожа, словно лакированная, блестит в полумраке. Только и слышно: «Здрате, тетя Маш... Здрате, дядь Ген... Здрате... Здрате... Всем здрасте, уроды барачные! Это иду я, Римка Некрасова. Иду и ненавижу вас всех...»

Несколько раз Римку били. Свои же, тетки. Те самые, которые письма участковому писали, подкармливали, от материнских мужиков прятали, чтоб греха не случилось. Били и приговаривали: «Не зарься на чужих мужей, сучка!»

«Спите спокойно, тетя Маш, тетя Валь, тетя Люб, кому ваша пьянь нужна?!» — отбивалась Римка и с надеждой смотрела в конец длинного

Бери и помни

коридора. Где-то там, в дымной темноте, брезжила заря освобождения от оков барачной жизни. «А вдруг?..» — мечтала Римка и внимательно оглядывалась по сторонам.

Стороны разнообразием не изобиловали: дворовая шпана, районная шпана, шпана городского масштаба. «Не хочу!» — обиделась на скромное предложение судьбы Римка Некрасова и поступила в ПТУ номер пять на специальность «швея-мото-ристка».

Полгода вхождения в специальность завершились свадебным торжеством: Римка стала Селеверовой и переехала из одного конца барачного коридора в другой. Барак вздохнул с облегчением: опасность оказалась нейтрализована — у Римки наступила беременность, разрешившаяся двойней.

Забеременела мечтой и Дуся. О маленьком домике на шести сотках и чтобы «виктории» досыта, и цветы вдоль забора, и яблони по периметру. «Зачем тебе? — недоумевали многодетные тетки. — Ни детей, ни плетей. Квартира отдельная. Живи — радуйся. По курортам разъезжай. Романы крути!» — «Скажете тоже, романы!» — смущалась Дуся и потихоньку старилась на своем вредном производстве, продолжая мечтать о летнем счастье.

* * *

Встретились они в заводской женской консультации, где ожидали приема у участкового гинеколога. В живой очереди преимуществ не было ни у кого, кроме беременных и женщин с кровотечениями.

Татьяна Булатова

ями. Ни к первому, ни ко второму разряду сидевшие в коридоре, видимо, отношения не имели. Во всяком случае, про свою неожиданно наступившую беременность Римка еще не знала, ибо твердо верила в невозможность зачатия на фоне кормления грудью.

Дуся застыла на стуле как изваяние, напоминая ни много ни мало знаменитую египетскую Хатшепсут, причем как фас, так и в профиль. Не хватало только каменного парика и скользящего по нему уреуса. Впрочем, их с легкостью замещало наклеенное на ватман изображение беременной женщины, под носом у которой были нарисованы продукты первой необходимости: творог, сыр, говяжья печень, фрукты и зачем-то градусник, показывающий идеальные тридцать шесть и шесть.

Римка сидела рядом, маленькая, сухонькая, как левретка. Разве что не тявкала. Она периодически вскакивала с места, подбегала к двери, заглядывала в замочную скважину и, хлопнув себя руками по бедрам, неслась в конец коридора к выходу, где около хлопающих дверей стояла огромная, как монумент, красная коляска под двойню. Подбежав к детскому транспортному средству, Римка заглядывала внутрь, облегченно выпрямлялась и сообщала хриплым голосом санитарке, сидевшей около гардероба: «Спя-а-ат!»

— Ну и слава богу, — с пониманием шамкала та беззубым ртом и позвякивала алюминиевыми номерками, нанизанными на серую бечевку.

Успокоившись, Римка возвращалась на место и бухалась на него своим костлявым задом. Через

Бери и помни

пять минут она вскакивала снова и начинала двигаться по уже хорошо освоенному маршруту.

— Го-о-о-споди! — застонала томившаяся в очереди старуха. — Сядь уже. В глазах рябит. Туды-сюды! Туды-сюды!

— А ты не смотри! — предложила Римка и вновь воткнулась глазом в замочную скважину.

— Так как же не смотри! Смотрился! Никакого покою нету.

— Покой тебя, бабка, на том свете ждет! — пообещала Римка и унеслась к коляске.

— Никакого уважения, — объявила на весь коридор старуха и на всякий случай встала у самой двери в кабинет, дабы эта «прошмандовка без очереди не шмыгнула».

— Правильно! — вразной поддержала очередь разобиженную бабку.

В этот момент Дуся вышла из оцепенения и посмотрела со своих хатшепсутовских высот на землю, затянутую затертым линолеумом больничного коридора.

— Вахо-о-о-вская! — выкрикнула медсестра и вновь исчезла за дверью.

— Меня, что ли? — глупо попыталась Дуся, приветливо улыбнувшись грозному часовому.

— Ну-у-у... — протянула старуха. — Коли ты эта... Ахонская... значит, тебя. Иди, чо ли, а то эта бесстыжа проскочит.

«Бесстыжа», углядев колебания в очереди, метнулась от коляски обратно.

— Меня? — подбежала Римка.

Татьяна Булатова

— Как же! Обязательно! Тебя! Вон энту... — Старуха ткнула в Дусю пальцем. — Ахонскую.

Римка с тоской посмотрела в полуприкрытые глаза Хатшепсут и опустилась рядом на стул.

— Так чего же вы? — обратилась к ней Дуся. — Идите. Я — за вами...

Римка вытаращила от неожиданности глаза и подпрыгнула:

— Пра-а-вда?

Хатшепсут подмигнула правым глазом и указала на дверь. Очередь заворчала.

— Она за мной, — пророкотала Дуся и подтолкнула молодую мамашу к двери. — Идите-идите.

Римка сбросила обувь и ворвалась в кабинет.

— О-о-ох, на-а-аглая какая! За мно-о-о-ой она! — подвела итог старуха и вынесла приговор: — И ты тоже бесстыжа!

Так Дусю раньше никогда не называли. Повода не было. «Дылдой» да, звали. «Кобылой», «лошадью Пржевальского» — тоже. «Коровой» иногда. Дуся не обижалась, ибо свято верила: «Кто обзывается, тот так и называется». Со школы она говорила обидчикам так, как советовал ей папа: «Вот сам (сама) ты это слово!» — и гордо поворачивалась к нему (ней) спиной.

Точно так же, как разбивались о глиняные ноги Хатшепсут всевозможные летающие насекомые, отлетело от Дуси и ее новое имя «Бесстыжа». Неумемная старуха, обнаружив полное Дусино равнодушие, в долгу не осталась и презрительно уточнила:

— Ты! Ты... Неча отвертываться-то...

Бери и помни

По очереди пронесся вздох осуждения. Пронесся и стих. Дуся прикрыла глаза.

— Э-э-эй, — потянула Дусю за рукав соседка справа. — Энта жиблая — дочка твоя, штоль?

— Кто? — растерялась Евдокия Ваховская.

— Энта. — Старушка кивнула на дверь.

У входа в кабинет по-прежнему стояла старуха, добровольно принявшая на себя обязанности общественного обвинителя, и грозно смотрела на Дусину соседку-рenegатку. Та, почувствовав на себе неодобрительный взгляд, потупилась и заговорщицки прошептала Дусе на ухо:

— Злые какие люди! Зверь прям, а не люди.

Не успела Дуся ответить соседке, как дверь кабинета распахнулась и из него вылетела Римка с лицом полной решимости:

— Вот сами и рожайте! — бросила она через плечо медработникам и стремительно направилась по знакомому маршруту в конец коридора.

— Девушка! — вскочила с места Хатшепсут. — Обувь! Обуться забыли.

— Ччерт! — выругалась Римка и вернулась обратно.

Старуха у дверей лакированной палкой пренебрежительно вытолкнула стоптанные босоножки на середину коридора.

— Костыль убери! — хрипло прикрикнула на нее Римка и отточенным движением вставила узкие стопы в выдавшие виды босоножки.

— Ты все-таки подумай, Селеверова, — обратилась к ней врач, не вставая с места. — С мужем посоветуйся.

Татьяна Булатова

— Сама с ним советуйся! — огрызнулась Римка и возобновила прерванное движение.

В кабинете у гинеколога Дуся пробыла ровно пять минут, чему очередь, растревоженная нерегламентированными подвижками, была чрезвычайно рада.

— Заходите! — объявила Ваховская и зашлепала по коридору, волоча за собой разношенные шлепки сорок второго размера. Впереди ее ожидало летнее счастье в виде дощатого домика, выкрашенного нежно-голубой масляной краской.

Дуся распахнула двери женской консультации и шагнула в июльское марево. «Па-а-арная!» — подумала про себя Евдокия Петровна и медленно начала спускаться с крылечка, ставя ноги боком — стопа не умещалась на покрытых растрескавшейся плиткой ступеньках. Дуся к такому неудобству привыкла, равно как и к тому, что на помощь ее всегда звали в числе первых: подержать, донести, поднять, разгрузить. К тонкой работе ее обычно не привлекали, хотя умений у Дуси было более чем достаточно: кружева плела, вязала, расшивала бисером. В заводском Доме культуры ее работы даже на выставке представляли. Правда, глядя на них, трудно было представить, что сделано это Дусиными руками. Посетители подходили к торчавшей истуканом Евдокии и вежливо спрашивали: «Неужели это вы? Ни за что бы не подумали! Вам бы только подковы гнуть». Но Дуся не обижалась. Уж что бог дал, то дал...

Спустившись с крыльца, Дуся браво зашагала к дому с единственной целью: переодеться в рабо-

Бери и помни

чее — и в сад. Довольно быстро она догнала сторбленную Селеверову, рывками толкавшую перед собою красную коляску, содрогавшуюся от детского рева.

Римка втянула голову в плечи, закусил губу и, не обращая внимания на визг младенцев, двигалась вперед с абсолютно тупым выражением лица.

— Девушка, — поравнялась с ней Дуся. — Хотите, я коляску повезу?

Римка не повернула головы. Похоже, от ора она просто оглохла.

Дуся, не дождавшись ответа, решила доброе дело в ящик не откладывать и самовольно взялась за отлакированную руками счастливой матери ручку коляски. Селеверова вздрогнула от неожиданности и приняла агрессивную позу.

— Да-вай-те я вам по-мо-гу, — по слогам произнесла Ваховская и улыбнулась угрюмой Римке.

— Давайте, — выдохнула та без тени признательности и добавила с остервенением: — Да замудохалась я тащить на себе этот гроб! Орут, как оглашенные.

Дуся даже ухом не повела, просто покатила коляску вперед, как будто делала это всю свою сознательную жизнь. Римка пристроилась рядом, еле приподнимая свои мосластые загоревшие ноги. Поблагодарить Дусю за вторично оказанную любезность ей даже не пришло в голову. Казалось, Римку посетила какая-то дискретная амнезия, вследствие которой из памяти стерлось лицо уступившей ей очередь женщины. Да и сама Дуся на

Татьяна Булатова

факте произошедшего час назад знакомства и не настаивала.

— Кто там у вас? — поинтересовалась Ваховская. — Мальчишки?

— Если бы... Девки.

— Девочки? — обрадовалась Дуся. — Можно посмотреть?

— А чо нельзя-то? Смотрите! То еще добро!

Дуся с трепетом заглянула в коляску и обнаружила в ней двух щекастых полугодовалых девиц.

— Близняшки? — восхитилась Ваховская.

— Не... разные. Одна вон — здоровушая, мордастая... А другая — еле вылезла, с кривошеей и срыгивает все время...

— А назвали как?

Римка наморщила лоб и, сделав над собой какое-то усилие, выговорила, поочередно указывая пальцем то на одну, то на другую девочку:

— Эта вот Анжелика. А это Элона.

От того, как Римка переводила взгляд с одного младенческого лица на другое, менялся и ее голос. Похоже, имя «Элона» ей нравилось больше, так как произносила она его нараспев, даже хрипотца в ее голосе слышалась не так явственно:

— И-ло-о-о-о-она...

«Любимица», — подумала про себя Дуся и ткнула пальцем в щекастого младенца.

— Это Элона?

Римка презрительно взглянула на любопытную тетку, заподозрив ту в слабоумии.

— Это Анжелика. Вон рожа какая.

Бери и помни

«Не любимица», — догадалась Дуся и перевела взгляд на покрытое испариной скукоженное личико второй девочки.

— Подвиньтесь-ка, — панибратски отодвинула Римка спутницу и вытащила одну из девочек из душного нутра красной коляски.

— Элона?

— Ну... Вспотела вся. И жрать хочет... — В Римкиных глазах промелькнуло что-то вроде жалости. — Скоро уже, — пообещала она дочери и командовала: — Быстрее давайте.

Дуся послушалась и браво покатила коляску вперед по вытопанной сотнями беременных и просто женщин тропке.

— Так быстрее, — объяснила она просевшей под тяжестью младенца молодой мамаше.

Римка не возражала: она пыталась не отставать от своей спутницы. Для этого Селеверовой приходилось делать большие шаги, отчего походка ее становилась тяжеловесной, а со стороны вообще казалось, что она передвигается прыжками, как лягушка.

— Вы где живете? — неожиданно догадалась поинтересоваться Дуся.

— Ленинградская, девять, — задыхаясь, сообщила Римка и взмолилась: — Можно помедленнее? Несемся, как идиотки!

Дусе не очень был понятен предложенный Селеверовой образ идиоток, но на всякий случай она решила ничего не уточнять и прислушаться к просьбе.

Татьяна Булатова

— Так вы же сами сказали, что девочек кормить пора!

— Я-а-а? — опешила Римка и остановилась как вкопанная. — Слушай, тетка, тебе чего надо-то от меня? Я вроде как нищим не подаю...

— Я не нищая, — насупилась Дуся, но коляску из рук не выпустила, а чуть-чуть помолчав, добавила: — Я, между прочим, тоже на Ленинградской живу. Пятый дом.

— Барский? — ехидно поинтересовалась Римка.

— Обыкновенный, — продолжала Дуся, не обращая внимания на подвох. — Вот и подумала, почему не помочь, все равно по пути.

Селеверова открыла рот, но неожиданно для себя промолчала.

— Немного осталось, — обнадежила Дуся вкопец измотанную Элоной Римку и прибавила шаг.

Селеверовой же не оставалось ничего другого, как плестись следом за неожиданно возникшей нянькой и проклинать мужа, по вине которого пришлось тащиться по жару в эту идиотскую женскую консультацию.

«Чтобы я?.. Да рожать? Да ни за что! Хоть режьте... А еще ведь говорят, пока кормишь, не беременеешь... Как же! Не беременеешь! Еще как беременеешь...» — возмущалась про себя Римка, набираясь смелости для того, чтобы сказать своему Селеверову: «Нет! Нет! Нет! И еще раз нет!»

— Дошли почти! — объявила Дуся и встала как вкопанная.

Римка налетела на нее, не успев сбавить шаг.

Бери и помни

— Чего еще? — недовольно буркнула Селеверова, разом просев под тяжестью уснувшей девочки.

— Кла-ди-те, — шепотом приказала Дуся и на всякий случай ткнула пальцем в недра коляски, где, раскинувшись, спала Анжелика, вывернув нижнюю губку в неведомой обиде.

Римка послушалась и положила Элону рядом с сестрой. Девочка приоткрыла глаза и тут же их закрыла: внутри коляски было так же жарко и влажно, как и на материнских руках. Зато завозилась Анжелика и недовольно всхлипнула.

— Ч-ч-ч-ч-ч-ч-ч, — затрясла коляску Дуся, оберегая детский сон. — Ч-ч-ч-ч-ч-ч-ч...

— Поехали, — выдохнула Римка, и процессия тронулась в путь.

Дуся ледоколом двигалась к улице Ленинградской, не обращая внимания на Римкины причитания:

— Ненавижу! Ненавижу эту жару! Селеверова! Детей ненавижу!

— Что вы, милая, — не выдержала Дуся. — Это же такое счастье! Муж, дети.

— Муж... дети, — передразнила ее Римка и зло заплакала: — Не-на-ви-жу! Надоело! Не спать, не жрать, не срать по-человечески! Теперь еще аборт этот... Рано еще! — вспомнила она визит к врачу. — Пусть подрастет... Идиоты! — заорала она и размазала по лицу слезы.

Дуся смотрела на Селеверову во все глаза и не знала, что сказать в утешение. Ее, Дусин, жизненный опыт был так скуден и скучен: в нем не было ни мужа, ни детей, ни аборт. В нем не было ничего, кроме могилки на Майской горе и летнего

Татьяна Булатова

домика на шести сотках, выделенных родным заводом. Да, еще квартира в итээровском доме, но в этом, думала Ваховская, не было ничего примечательного. В коммуналке казалось даже веселее, там шумели неугомонные соседки и отмечались общие праздники.

До Ленинградской дошли молча. Утрамбованная женскими ногами тропка сменилась асфальтовой дорожкой. Римка бесцеремонно отобрала коляску у неожиданно свалившейся ей на голову волонтерши и, выпрямив спину, покатила к своему бараку.

— Я здесь живу, — крикнула ей вслед Дуся и показала рукой на пятый дом.

— На здоровье, — не поворачиваясь, тявкнула Римка и, преодолев порог, вкатила коляску в распахнутые двери барака.

Дуся проводила Селеверову взглядом и медленно пошла к своему знаменитому дому, где под самой крышей ее ждала стародевичья квартира с расставленными строго по местам вещами, с огромным комодом светлого дерева, покрытым накрахмаленной кружевной салфеткой.

Дуся тяжело поднялась на третий этаж, отомкнула дверь и села, вытянув ноги, на детский хохломской стульчик, доставшийся, видимо, от прежних хозяев. В квартире было душно. Дуся, кряхтя, поднялась, прошла в комнату и распахнула настежь окна. С улицы в комнату ворвался поток жаркого июльского воздуха, от духоты было трудно дышать.

Стянув влажное от пота платье, Дуся вытерла им грудь, подмышки и подошла к зеркалу. В нем

отразилось тронутое увяданием тело. Она оттянула трусы за резинку и встала боком. Краше от этого отражение в зеркале не стало. Женщина втянула живот, отчего фигура стала еще безобразнее, потому что в столбе тела к тому же образовалась дырка. Для пушей убедительности Дуся ткнула кулаком в пустой живот, со свистом выдохнула — дырка исчезла. На всякий случай Ваховская сделала несколько упражнений из гимнастического комплекса, освоенного еще в школе: руки выше — ноги шире. Чуда не произошло: кисель — на бедрах, кисель — на животе, кисель — на ягодицах.

Огорчившись, Дуся натянула синие спортивные брюки, завернув их до колен, вылинявшую от пота футболку невнятного оттенка, на голову — шляпу из искусственной соломки с бахромой и, прихватив сумку с «сухим пайком» на обед, отправилась на дачу.

Из подъезда Дуся шагнула, как Петр Первый с корабля на сушу. Шагнула — и встала как вкопанная: во дворе среди пыльных лопухов, росших вдоль опалубки барака, стояла знакомая красная коляска. Сердце Ваховской тревожно екнуло. Как это часто в ее жизни бывало, она неожиданно почувствовала ответственность за то, к чему не имела ни малейшего отношения.

Дуся промаршировала через детскую площадку к зарослям лопухов и встала около коляски, как часовой у Мавзолея. Назначив себя на боевой пост, она напрочь забыла о дачных планах и замерла с авоськой в руке. Из коляски не доносилось ни звука, что Ваховскую несколько смущало. Но она про-

Татьяна Булатова

должала изо всех сил крепиться, всем видом показывая, что ей, в сущности, все равно, что происходит в брюхе этого огромного красного корабля. И вообще, стоит она здесь и стоит, никого не касается.

Это оказалось глубокой ошибкой: что такое «никого не касается», когда ты стоишь перед дюжиной распахнутых окон заводского барака! Многочисленные теть Мань, теть Галь, теть «Не знаю, как тебя там» тут же забили тревогу и забарабанили в дверь селеверовской комнаты.

— Чего еще? — возмутилась разбуженная ба-
рачным женсоветом Римка.

— А ничего! — успокоили ее теть Мань и компания. — Няньку, что ли, наняла? Целый час около твоих девок торчит. Смотри, недосчитаешься...

Римка метнулась к окну, за которым обнаружила не только коляску, но и приставленного к ней гренадера в шляпе с бахромой. Селеверова перелезла через подоконник и в секунду оказалась рядом. Не успела Римка открыть рот, чтобы выказать все свое недовольство, как правонарушитель в закатанных по колено синих спортивных штанах радостно зашипел:

— Здравствуйте. Вы меня узнаете? Мы сегодня с вами вместе из консультации шли. Вот выхожу сейчас — смотрю, коляска стоит. И никого рядом. Я и встала. Думаю, присмотрю. Как бы чего не случилось. А здесь все в порядке. Спят ваши девочки. Я только марлю поправила, чтобы, не дай бог, никакая муха не залетела... Вы отдыхайте, я, если надо, постою...

Бери и помни

Римку замутило. И непонятно, отчего больше: то ли из-за незапланированной беременности, то ли из-за тошнотворной доброты привязавшейся бабы.

— Вам нехорошо? — шепотом поинтересовалась Дуся.

Римка едва успела перелезть через подоконник обратно в комнату, как ее тут же вырвало, потом еще раз. Обессилев, Селеверова прилегла на кровать, проклиная темперамент супруга и собственную податливость.

— Послушайте! — донеслось до нее из-за занавески.

Римка с трудом открыла глаза.

— Это я... Дуся, — шипел часовой в шляпе. — Давайте я с вашими девочками погуляю... А вы отдохните... Можно?

Селеверовой было все равно. Она, между прочим, вообще хотела умереть. Раз и навсегда, из-за несбыточности мечты. Римка хотела отдельную квартиру, другой город, детдомовское детство, чтобы никаких родственников рядом, одного ребенка, можно Элону, и хватит. А получила комнату в родном бараке, пьянчужку-мать по соседству, строгого мужа, орущих двойняшек, беременность и аборт в перспективе.

Селеверова дотащилась до окна, откинула занавеску, оперлась руками о подоконник и хрипло проговорила:

— Слушай, тетка. Как там тебя?

— Дуся... — подсказала Ваховская.

Татьяна Булатова

— Дуся, — повторила Римка. — Если ты в няньки набиваешься — денег у меня нет. Платить нечем. Чего ты хочешь-то?

— Ничего, — призналась Дуся. — Помочь хотела. Уж больно девочки ваши славные. И вы... — Ваховская извинительно улыбнулась. — Ма-а-аленькая такая, худенькая. Жалко вот как-то... Простите...

— Ну-у-у?..

— Я могу гулять с ними, а вы делайте свои дела. Бесплатно. Просто.

— Тебе-то это зачем? — не веря своим ушам, поинтересовалась Селеверова.

— Вы не думайте ничего. Я одна просто живу. Иногда так хочется, чтоб вот рядом кто-то. А если сомневаетесь, так меня на заводе знают. Спросите: Евдокия Петровна Ваховская. Седьмой цех. Ленинградская, пять, квартира восемь. Помочь просто...

— Денег нет, — тупо повторила Римка и с ненавистью посмотрела на волонтершу из итээровского дома.

— Не надо... — радостно замотала головой Дуся.

Селеверова прикрыла глаза и встала на коленки около подоконника в надежде, что тошнить будет не так сильно.

— Как хочешь, — ответила она Ваховской. — Мне все равно. Хочешь — гуляй, хочешь — стой. Обоссутся — пеленки в кармане коляски. Кормить часа через два. Будут орать — соску в рот. Вода — за пеленкой.

— Понятно, — воодушевилась Дуся и расплылась в глуповатой улыбке, обнажив розовые десны. Выглядело некрасиво.

Римку замутило еще сильнее, и она отползла к кровати.

Ваховская метнулась к окну, в порыве откинула занавеску и обнаружила Селеверову лежащей на кровати. Ее снова рвало.

— Извините, — пробасила Дуся и вернулась на свой боевой пост.

Для первого раза новоиспеченная нянька уйти со двора не решилась и замерла около красной опочивальни двойняшек. Давно Дуся не чувствовала себя такой счастливой. У нее было все: летний домик, собственные огурцы и две чужие девочки со звучными именами Элона и Анжелика. Глупо улыбаясь, Ваховская смотрела поверх коляски и видела себя в окружении двух живых кукол с капроновыми бантами на голове. Куклы нежно щебетали, хлопали длинными ресницами и тянули к ней ручки. «Как легко сбываются мечты!» — подумала Дуся и закрыла глаза, дабы подсмотренное видение не пропало. К сожалению, досмотреть до конца идиллическую сцену Ваховской не удалось: одна из девочек проснулась и закричала.

Дуся нагнулась над коляской, откинула марлю и обнаружила одну из двойняшек в полной боевой готовности к реву.

— Ч-ч-ч-ч-ч-ч-ч, — запричитала Ваховская и что было силы затрясла коляску.

Девочка вскинула глаза на источник звука и наткнулась взглядом на незнакомое лицо, старательно улыбавшееся ей. По тому, как скривилась детская мордашка, Дуся поняла, что сейчас раздастся

Татьяна Булатова

трубный рев, от которого придет в движение *все* живое, а не только посапывавшая рядом сестренка.

— Не плачь, не плачь, не плачь, не плачь! — зачастила Ваховская и вытащила девочку из коляски. — Ой лю-ли, лю-ли, лю-ли... — пела Дуся как умела. — При-ле-те-ли жу-рав-ли... При-ле-тели пти-и-ич-ки... Птич-ки-невели-и-и-ички...

Кроха тарасила на незнакомую тетку глаза, но не ревела: просто поджала губки. Обнадеженная детским молчанием, Дуся перешла на «ля-ля» и затрясла младенца изо всех сил. Эффект наступил практически мгновенно: девочка сомкнула ресницы и благополучно уснула.

— Спи, котеночек, усни... Угомон тебя возьми... Маму, папу, бабушку... И большую ладушку... — выла Ваховская, не давая себе отчета в том, кто же эта «большая ладушка». Да это и неважно. Дусе нравилось ее творчество: слова складывались сами собой в песни общечеловеческого содержания, доступные ребенку любой национальности любой страны мира. Если бы Ваховская запела то же самое на немецком или французском языке, младенец отрубился бы с той же скоростью, потому что главное в песне были не слова, а завораживающий ритм ритуального танца, который исполняет женщина любого племени вокруг того, что обычно называется колыбелькой.

Дуся в силу отсутствия опыта никак не могла догадаться, что девочку вполне можно вернуть на место. Поэтому, прижимая впервые убаюканное ею дитя к груди, Ваховская расхаживала вдоль барака,

Бери и помни

как цапля по болоту, всякий раз поднимая высоко ноги для того, чтобы перешагнуть через лопухи.

Именно за этим занятием и застала ее пьянчужка Некрасова, мать Римки, а также еще трех особей мужского пола. Шла мамаша по направлению к бараку, удерживая курс благодаря внутреннему навигатору, подобному тому, который указывает стае перелетных птиц дорогу на юг. Похоже, у вдовы пролетария Некрасова навигатор включался автоматически и переставал работать только в момент, когда цель можно было считать достигнутой. Относительно, конечно. Степень относительности могла варьироваться в диапазоне от точного попадания в комнату до временного забвения в коридоре или в дворовых лопухах.

Если пьяницу обнаруживали соседи, то звали Римку, не тратя время на разговоры, а просто произнося одно слово: «Иди». И Селеверова шла, хотя миллион раз обещала себе оставить «подыхать эту сволочь там, где лежит». Какая-то неведомая сила толкала Римку в худую спину, и она снова и снова тащила дурно пахшую бормотухой и мочой мать домой, укладывала на знаменитый настил и даже укрывала чем придется.

Правда, если неподалеку оказывался ее муж Олег, Римка запиралась в комнате и смотрела в одну точку, не реагируя на материнские вопли:

— Ри-и-имка, твою ма-а-ать! Креста на тебе не-е-ет... Я чо, просто так тебя выродила?..

Селеверов, тяжело ступая, выходил из комнаты и шел на голос тещи, матерившейся и скулившей одновременно. И как бы ни была пьяна Римкина

Татьяна Булатова

мать, увидев зятя, она замолкала и закрывала лицо руками. Олега она боялась.

Зять брал тещу за что придется, волоком тащил в комнату и молча бросал прямо у порога. Все, что мог, он уже сказал, когда увидел ее под окнами роддома в обнимку с очередным Римкиным «отчимом».

— Увижу рядом — убью, — пообещал он теще и строго посмотрел на ее собутыльника.

Мужик было решил вступить за возлюбленную, но очень быстро отказался от этой своей затеи, почувствовав на своей шее металлические пальцы Олега Селеверова.

Римка наблюдала за ними сверху и молча плакала. Немногословный Олег жестом показал жене, что готов свернуть шею ее гостям. Римка испуганно затрясла головой. Обошлось без жертв. И ножки тоже не обмывали. «Не хер делать, мразь эту приваживать», — сообщил жене Олег и испортил очередной праздник. Барак вздохнул, одна половина — с облегчением, другая — с грустью: ни тебе выпить, ни закусить, ни покуражиться. И первое, и второе, и третье стало опасным: Селеверов мог убить. Он не сидел в тюрьме, не был замечен в драках, не пил с кем попало. В нем на первый взгляд не было ничего особенного. Но тем не менее было что-то, не определяемое человеческим разумом, но воспринимаемое животным нутром. Что-то, что заставляло Римку клониться к его обыкновенному, в сущности, плечу, а мелкое хулиганье — спешно ретироваться. У него не было ни товарищей, ни родных. Зато была семья: три девки — Римка, Анжелка

Бери и помни

и Лёка. Имя Элона Селеверову категорически не нравилось, и он заменил его на более понятное и привычное слуху. Жена протестовала, а Олег, сжимая ее в объятиях, говорил всегда одно и то же: «Потерпи, Муся. Всё будет...» И Римка терпела: и Лёку, и Мусю, и мужнину строгость, потому что чувствовала — так и будет. Все-все...

Это «все-все» снилось ей ночами, а днем бултыhalось в животе, заставляя мириться с временными неудобствами. В частности, с матерью, несколько подзадержавшейся в Римкиной жизни.

Дуся, не осведомленная в вопросах районной генеалогии, смотрела на приближавшуюся к ней женщину с неподдельным интересом. Мадам Некрасова отвечала взаимностью. Невзирая на опьянение, она смогла соотнести несколько факторов: коляска для близнецов, чужая тетка с младенцем на руках, Ленинградская, девять. Этого было достаточно для того, чтобы всколыхнулись родственные чувства, и она заголосила:

— А ну-у-у, положи ребенка вза-а-а-ад!

Дуся приложила палец к губам и поскакала через лопухи в противоположную от коляски сторону, дабы вопли незнакомки не разбудили и без того чуткий сон девочки.

— А ну-у-у... стой... на хе-е-ер! Я сказала!

Ваховская на всякий случай остановилась. Римкина мать, едва держась на ногах, попыталась ускорить процесс, но потеряла равновесие и повалилась на землю. Впрочем, подобный форс-мажор не смог остановить обеспокоенную бабушку, и она заорала, с трудом выговаривая слова:

Татьяна Булатова

— Ри-и-имка! До-о-оча, твою ма-а-ать! Ребенка укра-а-али, а ты, бля-а-а, где-е-е? Лю-ю-ю-юди! — не теряла надежды пьяница. — Помогите!

Из окон стали выглядывать неработающие женщины и их дети.

— По-жа-а-ар! — на всякий случай заорала Римкина мать, после чего начали открываться окна, в том числе и итээровского дома.

Во двор стали стекаться любопытные, и Дусе ничего другого не оставалось, как вернуться на место преступления.

— Понимаете, — объясняла Ваховская соседям. — Я не украла. Отошла просто, чтобы не разбудить.

— А мать где? — поинтересовался кто-то.

— Я ма-а-ать, — донеслось с земли, отчего жительницы барака заволновались и раскричались, как на базаре:

— Да какая ты мать?

— Нормальная я мать, — сообщила им Некрасова и попыталась подняться.

— Да ты напилась — встать не можешь! — на скакивали на нее соседки. — Бабка уже, а все порешь и порешь.

Дуся растерянно крутила головой, не успевая следить за беседой.

— Не твое дело! — Римкина мать поднялась с земли и теперь стояла на карачках, раскачиваясь. — Су-у-ка!

Оскорбленная соседка бросилась в бой, но схватка не состоялась, потому что бабушка двой-

Бери и помни

няшек мирно улеглась на землю и по привычке закрыла лицо руками.

— Стойте, — вмешалась Дуся. — Вы детей разбудите.

— Да ты вообще молчи, дылда! — взъярилась соседка, которая требовала сатисфакции, и переключилась на Ваховскую. — Ты вообще кто? Я сейчас в милицию позвоню!

— Правильно, — донеслось снизу: пьянчужка не переставала участвовать в процессе.

— Вы меня неверно поняли... — в который раз пыталась объяснить Дуся свое присутствие рядом с коляской.

— Ри-и-имка! — заорала ревнительница порядка и стукнула по стеклу.

Стекло звякнуло — Селеверова нехотя высунулась на улицу:

— Чего разорались?!

— Ты дрыхнешь, что ли? — почти миролюбиво поинтересовалась соседка.

— Ну-у-у... — Римка не тратила время на объяснения.

— Не нукай, я тебя возить не нанималась, — соседка за словом в карман не лезла. — Ты когда в последний раз своих детей видела?

— Вон одна, — Римка ткнула пальцем в Дусю. — Вон другая, — ткнула в коляску.

— Ты чо? — подняла брови соседка. — Самая богатая? Няньку наняла? Умаялась, что ли?

— Это не нянька...

— А кто это?

Татьяна Булатова

— А тебе какое дело? — Селеверова перелезла через подоконник и спрыгнула в лопухи.

— Вы понимаете... — в который раз встряла в разговор Дуся.

— Ты помолчи давай, — оборвала ее Римка, подошла к соседке и, сверкнув глазами, прямо спросила: — Тебе делать нечего?.

— Мне-то есть чего!

— Вот иди и делай тогда свое дело. А ко мне не лезь! Поняла?

Соседке не хотелось сдаваться:

— Мужа своего учи, лахудра!

— Что вы! Женщины... — вновь попыталась вернуться к своей миротворческой миссии Дуся.

— Закрой рот! — одновременно заорали на нее все, и Ваховская выложила ребенка в коляску.

Римка прищурилась и тихо проговорила:

— Ты моего мужа не трогай. За своим следи. А то не уследишь: очень много разговариваешь. Как бы к молчаливой не ушел!

— Это к тебе, что ли? — скривилась соседка.

— Ну почему ко мне? — ехидно заулыбалась Селеверова. — Если бы ко мне, то понятно — молодая, красивая. А то ведь к Нюрке. Такая же, как ты, только разведенная, а потому покла-а-адистая, стговорчивая, безотказная.

Соседка залилась краской, но промолчала. С ненавистью разыскала в толпе ту самую Нюрку, пожимавшую плечами, задрала голову вверх и еле слышно проговорила:

— Да чтоб ты сдохла!

Бери и помни

— Не дожدهшься! — пообещала ей Римка и покатила коляску вдоль барака, прямо по траве.

— Мать свою прибери! — закричала ей вслед соседка.

— Тебе надо, ты и прибери! — буркнула себе под нос Селеверова и обогнула барак, даже не вспомнив о той, которая битых два часа несла вахту около ее девочек.

И не она одна: весь двор благополучно забыл, по какому поводу разгорелся скандал. Какая еще Дуся? И без Дуся есть чем заняться...

Сама Евдокия Ваховская ломать голову над произошедшим не стала. Она просто покинула двор на Ленинградской, как и собиралась несколько часов назад. Дуся торопилась к своим взлелеянным огурцам, семена которых бережно хранила всю зиму в бумажном пакетике из-под порошковой аскорбинки.

Сажала Ваховская много. Поначалу соседи подозревали ее в желании обогатиться, а потом, получив в подарок корзинку-другую, сердечно благодарили. Но стоило Дусе закрыть за собой дверь, крутили пальцем у виска: мол, не дура ли? Ясное дело — дура. Нормальный человек разве станет за дарма раздавать? Нормальный не станет. Но она-то понятно! Одного взгляда достаточно — дура есть дура.

Подобные умозаключения не мешали соседям вкушать Дусины дары: знатные были огурцы — хрустящие, пупырчатые; помидоры — и того краше, сладкие, мясистые. Такие на рынке не копейку стоят. Цена вопроса, к слову, Ваховскую не интересо-

Татьяна Булатова

вала. Дусей двигал интерес: что получится? Поэтому над овощной завязью она тряслась, как курица над яйцом: чтобы тепло, чтобы влажно, чтобы только росло. Вот у нее и росло. Как на дрожжах. Соседи по участку приходили и завидовали. Возвращались к себе — и снова завидовали, успокаивая себя тем, что дуракам везет, а им — некогда, потому что семья и дети. И муж пьющий. И вообще, может, она их разведенным дерьмом поливает? Куриным. А то и сказать стыдно...

Ничем таким Дуся свои огурцы (помидоры, перцы, капусту, баклажаны и все остальное) отродясь не поливала. И рука ее никакой особой легкостью не отличалась. Она просто жила по растительному расписанию и постоянно вела с овощами какой-никакой, а разговор. Одним словом, ничего удивительного. Сплошные закономерности, считала Дуся.

Похоже, что и Римкина неблагодарность воспринималась ею как нечто естественное. Во всяком случае, поливая нагретой на солнце водой свои знаменитые огурцы, Ваховская не чувствовала себя обиженной. Наоборот, ей казалось, что все произошедшее — это не случайно, это для чего-то, это знак, должно быть. А чем же еще можно объяснить тот факт, что весь день происходили какие-то подозрительные совпадения: очередь в консультации — рядом, домой шли — вместе, дома — на одной улице, в одном дворе. «Надо подумать!» — решила Дуся и присела на прогретое солнцем крылечко.

— Петро-о-о-вна! — донеслось из-за забора.

Ваховская приподнялась.

Бери и помни

— Огурцы не снима-а-ала? — полюбобпытствоввала соседка.

— Нет, — честно призналась Дуся.

— Смотри, соберут, глазом не успеешь моргнуть... И куда тебе столько?

Обычно в этом месте Ваховская переспрашивала:

— Может, возьмешь?

— Да что ты! — для приличия отказывалась соседка. — Если только парочку... попробовать...

Вместо парочки оказывалась полная корзина, оттягивавшая руку, да так, что соседку кренило то вправо, то влево.

Сегодня Дуся на намеки заботливой соседки реагировала крайне вяло. Точнее, совсем не реагировала. Не догадывалась, и все тут.

— Петровна! — возмутилась женщина. — Ты не захворала?

— Не-е-е, — обнадежила соседку Дуся. — Завтра соберу — лень чего-то. А ты чего сама-то хотела?

— Я-то? — переспросила женщина. — Просто спросила. Может, помочь?

— Не надо, — отвергла соседскую помощь Дуся и начала складывать инвентарь под крыльцо.

Перед уходом Ваховская всегда обходила принадлежавшие ей владения: радовалась плодам своего труда. Проведя ритуальный осмотр участка, Дуся остановилась — было как-то не по себе. Она не привыкла уходить из сада с пустыми руками. «Да что же это я?!» — стукнула себя по лбу Ваховская и начала собирать урожай.

Татьяна Булатова

«Пожалела!» — презрительно подвела итог подглядывавшая за Дусей из-за забора соседка и обиделась, потому что привыкла рассчитывать на соседскую щедрость: «Ей-то столько зачем?»

«Какая тебе разница зачем?» — могла бы ответить Дуся, но мысли на расстоянии она читать не умела. Да даже если бы и умела, никогда бы так не ответила, потому что всех на свете подозревала в исключительной порядочности и искренней доброжелательности. А как же иначе? Она-то так! И женщины в цеху — люди, и соседи — люди, и девочка эта, Римма, кажется, — тоже человек. А человек человеку друг. Так почему же не сделать приятное? Этому другу, молодой маме и просто замученному, усталому человеку?

Домой Дуся летела как на крыльях. И неважно, что на каждое крыло причиталось по несколько килограммов огурцов. Добро невесомо. Ничего не весит, ничего не стоит.

— Извините, — прошептала Ваховская непонятно кому и тихо забарабанила по стеклу Римкиных окон.

Довольно долго не отвечали. Дуся постучала еще раз: занавеска отъехала в сторону, и над подоконником навис крупный мужчина с нечистым, рябым лицом.

— Ой! — смутилась Ваховская и сделала пару шагов назад.

— Ну... — грозно сдвинул брови рябой.

— Извините, пожалуйста, за беспокойство, — шаркнула ногой Дуся и выставила перед собой ведро с огурцами. — Возьмите...

Бери и помни

Мужчина медленно перевел взгляд с переполненного ведра на женщину в нелепой соломенной шляпе с бахромой и поинтересовался:

— Сколько?

— Что сколько? — не поняла Дуся.

— Рублей сколько?

— Нисколько. Это девочке вашей. Римма, моему...

— Жена, — немногословно поправил Селеверов.

— Жена? — изумилась Ваховская.

— Ну...

— Возьмите, пожалуйста. Это из сада. Свои. Хотите — на засолку, хотите — так. Скажите, Дуся... Евдокия приходила... Не надо денег...

— Понял, — оборвал Олег и жестом показал Ваховской, чтобы подошла поближе.

Дусе не пришлось повторять дважды. Она легко подхватила ведро и поставила его на подоконник:

— Вот, — улыбнулась Ваховская и замерла.

Селеверов взял ведро и исчез за занавеской. Через минуту появился и крикнул вслед уходящей Дусе:

— Эй, тетка! Как там тебя... Евдокия?

Ваховская обернулась.

— Сюда подойди.

Дуся приблизилась к бараку.

— На... — протянул он ей пустое ведро и, больше не говоря ни слова, скрылся в глубине комнаты.

Ваховская заглянула в ведро и обнаружила там три рубля.

— Господи! — расстроилась она и, вытащив трешку, покрутила ее в руках. Деньги жгли бессре-

Татьяна Булатова

бренеце руки. Дуся потопталась на месте и как-то умудрилась засунуть деньги под занавеску. Трешка упала на пол, а Евдокия Петровна Ваховская на цыпочках направилась к своему подъезду. Сидевшие на лавочке бабки с завистью посмотрели на второе заполненное огурцами ведро.

— Хороший урожай!

— Угощайтесь! — ответила Дуся и поставила ведро на скамейку.

— Ой! Дусенька! — запричитали истосковавшие по летним витаминам пенсионерки. — Дай бог тебе здоровья, дочка. И жениха хорошего!

— Кого? — смутилась Дуся.

— Мужчину-мужчину, — в один голос зашептали соседки и понимающе заулыбались.

— Глупости какие! — покраснела Ваховская и махнула рукой.

— Ты рукой-то не маши! — прикрикнула на нее одна из них, похоже старшая. — Одна живешь. Детей бог не дал. Захворашь, кто поможет? А тут все вроде мужик в доме: где подать, где гвоздь вбить, где чего...

— Я и сама могу, — не к месту заявила Дуся и нацепила на лицо строгое выражение. — Ведро верните.

Бабки засуетились вокруг ведра и, как только Ваховская исчезла в темноте подъезда, вынесли приговор:

— Дура она и есть дура. Ей люди добрый совет, а она брезговат. На себя б посмотрела — чухонка чухонкой, так и помрет в девках.

Бери и помни

— Зато в отдельной квартире! — добавил кто-то, чем настроил всех против Дуся. — Ей вот она зачем? Барыня!

Бабки синхронно сложили руки на животах, поджали губы и разом замолчали. Невзирая на огурцы, соседское настроение оказалось окончательно испорчено, а вместе с ним — и чудный июльский вечер. Проклиная неблагодарную соседку на все лады, бабки разбрелись по домам.

Иное дело Дуся, за спиной которой оставалась уже добрая половина отпуска. Не признававшая усталости, она сидела в ванной на деревянной скамеечке, опустив свои большие разлапистые ноги в таз, и смотрела в глубь себя, чему-то блаженно улыбаясь. Евдокия Ваховская вновь и вновь проживала ощущения прошедшего дня: и как под влажными ладонями скользила ручка огромной красной коляски, и как горело под правой грудью от дыхания покряхтывавшей девочки, и как звенело в ушах из-за перебранки во дворе, и главное — как смотрела на нее Римка, там — в очереди... И плакала как...

«Сколько вот ей лет? — размышляла Дуся, вынимая из таза то одну ногу, то другую. — Восемнадцать? Девятнадцать? Двадцать? А уже — замужем. И двое детей. И беременна. Живет в бараке. Муж какой старый. Рябой. И эта женщина. Мать, говорили. Та, что на земле валялась... Если б у меня дети были, разве б я на земле валялась? — сама себя вопрошала Евдокия. — Я б не то что не валялась, я б на крыльях летала. На радуге бы сидела — и дочка рядом».

Татьяна Булатова

Нет, Дуся не роптала. Она искренне изумлялась очевидным обстоятельствам и мучительно переживала свои открытия. Они нарушали понятный ей миропорядок и порождали в душе смятение, заставлявшее осуждать. А осуждать Евдокия не любила, точнее, не могла. Боялась, потому что истово верила: «Не осуди, да не осудим будешь». «Так говорил папа, так говорил батюшка в церкви на Верхней Полевой, и Христос тоже так говорил и нам завещал», — напоминала себе Дуся и успокаивалась. «Бог терпел, и нам велел, — подводила итог Ваховская и зачем-то добавляла: — Аминь». Помогало. Иначе как бы смирилась она с непреодолимым сиротством, сопровождавшим ее всю жизнь? Ушла мама — значит, так надо. Папа вот умер — Бог прибрал. Замуж не вышла? И этому есть объяснение: кто такую замуж возьмет?! Ну а вот что детей нет, тут, конечно, смириться трудно, но тоже возможно. Нет и нет. «На все Божья воля», — уверил ее батюшка и допустил к причастию.

Дуся вылезла из ванны, тщательно вытерла распаренные ноги и раскорякой на цыпочках пробралась в комнату. Включила телевизор, чтобы было повеселее, и тут же выключила.

«Спать!» — скомандовала она себе и, расправив простыню, улеглась. Обычно Евдокия засыпала мгновенно, не успев на сон грядущий прочитать ни «Отче», ни «Богородицу», ни «Благослови, Господи». Обычно, но не сегодня.

Дуся ворочалась на кровати с боку на бок, пытаясь найти удобную для ее большого тела позу, но не тут-то было. Кряхтя, она поднялась, подошла к

окну и выглянула во двор. В бараке напротив горели от силы три окна. Одно из них — то самое, на первом этаже. В груди екнуло. Дуся распахнула створки и замерла, прислушиваясь. Двор оглашал детский плач, переходивший в надрывный визг. «Не спят, маленькие», — посочувствовала женщина и легла грудью на подоконник.

Не спали не только «маленькие». Не спал Селеверов. Не спала Римка. Не спали соседи справа, сгоряча рекомендовавшие заткнуть «шенкам глотку». Визг набирал силу — рядом зажглись еще окна. Дуся занервничала и на всякий случай накинула на себя халат. Через пару минут непрерывного визга из окна во двор вылез сам Селеверов и протянул руки, принимая орущего младенца. Не говоря жене ни слова, Олег перекинул дочь через плечо и медленно пошел к тротуару, проложенному вдоль итээровского дома. Девочка надсадно кричала. Селеверов, не обращая внимания на визг, размеренно начал прохаживаться под итээровскими окнами, подскакивая через шаг, отчего ребенка встряхивало и визг на секунду прерывался. На свежем воздухе девочка довольно быстро уснула; во дворе зазвела тишина. Измученный папаша, остерегаясь возобновления концерта, продолжал прохаживаться взад-вперед, поглаживая девочку по спинке.

Появилась взъерошенная Римка, толкающая перед собой коляску. Она возила коляску вокруг барака. Подкатив ее к мужу, она хрипло просипела:

— Клади. Уснула.

— Анжелка спит? — поинтересовался Олег.